

⁵ Гинс Г. К. Столетие со дня смерти А. С. Пушкина (1837—1937). С. VII.

⁶ Раев М. И. Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции 1919—1939. М., 1994. С. 124.

⁷ См.: Гордиенко Ю. Судьба памятника А. С. Пушкину в Шанхае // Русские в Китае. 1999. № 16, апрель. С. 4.

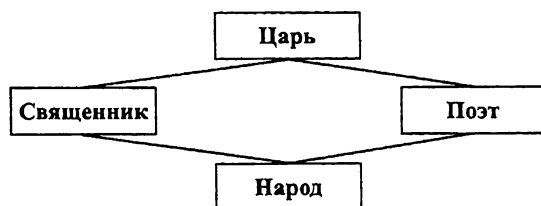
В. А. Гусев

(Днепропетровск, Украина)

ПУШКИНСКИЙ ЮБИЛЕЙ 1999 ГОДА: МЕЖДУ МИФОМ И АНЕКДОТОМ

Пушкину принадлежит совершенно особое место в русской культуре. Причем черты мифологизации поэта присутствуют почти во всяком знании о нем. Миф о Пушкине возник давно и долго удерживался в общественном сознании. О его сути подробно говорится в статье М. Н. Виролайнен «Культурный герой Нового времени»¹, и мы позволим себе изложить здесь ее некоторые положения, посвященные интересующей нас теме. Автор полагает, что Пушкин является культурным героем нового времени, который приносит в мир новизну, остающуюся нам как норма. В статье прослеживается трансформация традиционной триады: Пророк—Первосвященник—Царь в пушкинскую эпоху. Культурный архетип пророка берет на себя поэт, и триада выглядит так: Царь—Священник—Поэт.

К этим трем ключевым фигурам триады М. К. Виролайнен присоединяет четвертую — народ — и возникает символическая культурологическая схема: царь в ней определяет норматив государственной, политической, общественной жизни в ее настоящем; поэт-художник (в широком смысле слова) создает то, чего раньше не было, он ориентирован на новизну, то есть на настоящее и будущее; священник ориентируется на настоящее через прошлое, сохраняя традицию; с помощью народа и ради него осуществляются направляющие и регламентирующие функции трех первых фигур.

Жизненный и творческий путь Пушкина проходит через эти четыре основные позиции, он объединяет низовую и вершинную — цер-

ковную и светскую — культуру, каждая из которых тяготела к одному из полюсов, обозначенных на схеме. По мнению исследовательницы, пушкинский опыт показывает, что личность, пройдя искушение индивидуализмом, способна восстановить родовой и соборный принцип, но теперь уже внутри себя. «И если теократия обеспечивала единство культуры через церковность (и церковную соборность), а следовательно, через священство, то отныне ответственность за „исправление путей“ русской жизни берет на себя литература, словесность, ибо личностью, прокладывающей путь к новой соборности, становится поэт. Именно после Пушкина возникает центральная идея классической русской литературы: идея мессианского назначения писательства»². Можно, конечно, оспаривать мнение о том, что идея мессианского назначения писателя возникает «именно после Пушкина», но для нас важно иное: насколько устойчивой оказалась схема, предложенная М. Н. Виролайнен.

Явления культуры прошлого истолковываются, открываются, оцениваются или отвергаются в соответствии с современными точками зрения. Каждое поколение судит явления культурного прошлого в свете своих собственных целей, оно относится к ним с новым интересом и видит их свежим взглядом, только если эти явления находятся в русле его собственных устремлений. Сохраняет ли сегодня Пушкин роль культурного героя? Остается ли принесенная им новость в мире как норма? Заметными вехами процесса активной мифологизации Пушкина стали его юбилеи — столетие со дня рождения Пушкина (1899), столетие со дня его смерти (1937) и, наконец, двухсотлетний, который отмечался в 1999 г.

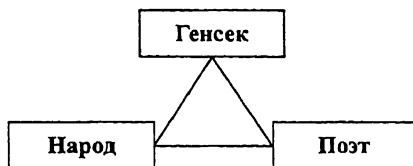
Ощущение его присутствия в жизни личной, частной, государственной отразилось в юбилейных торжествах, и в этой связи я попытаюсь рассмотреть три пушкинских юбилея — те исторические вехи, которые помогают нам увидеть развитие пушкинского мифа.

Первый пушкинский юбилей — время формирования пушкинского мифа.

Всех, писавших тогда о Пушкине, сближало понимание того, что наследие поэта является важнейшей составляющей частью национальной культуры. Скажем, В. В. Розанов в статье «О Пушкинской академии», впервые опубликованной в «Литературном приложении» к «Торгово-промышленной газете» (1899. № 90), писал, что Пушкин «может быть таким же духовным родителем для России, как для Греции был — до самого ее конца — Гомер», что вопросы, им поставленные, не исчерпаны, и «ни обществом нашим, ни литературою, и в себе даже не исчерпаны», то есть культурная функция поэта по-прежнему ориентирована на новизну. Поэтому Пушкин «способен пропитать Россию»³. Пушкин начинает осознаваться как центральная фигура русской культуры, он приобретает непререкаемый авторитет духовного руководителя, что неоднократно отмечали современные исследователи.

Так, С. А. Кибальник, прослеживая, как формировался миф о Пушкине, справедливо полагает, что возник он «в последние десяти-

летия XIX века»⁴. О. С. Муравьева также считает, что в 1880—1890-е гг. формируется пушкинский миф, имеющий доселе широкую социальную базу. «В нем отозвались идеи Гоголя и Белинского о национальном поэте и бравурность патриотической пропаганды, пророческий характер русской литературы и прагматичность просветительского сознания, жажда идеала и идеологические догмы»⁵. Миф сохраняется и позже — в Советской России, причем развивается в русле старой традиции. Этот парадокс подчеркивает О. С. Муравьева: «...теперь, когда жизнь России во всех ее сферах изменилась столь резко и кардинально, шаблоны и стереотипы в представлениях о Пушкине, тесно связанные с общественной ситуацией конца XIX в., должны были бы безвозвратно уйти в прошлое. Они же, напротив, как будто обрели новую жизнь, оказавшись удивительно хорошо пригодными для воплощения идеологических догм новой эпохи»⁶. В целом сохраняется и схема, предложенная М. Н. Виролайнен; в ней происходит только одна замена: царя — на Генерального Секретаря. Причем теперь поэт делит и священническую функцию, ориентированную на настоящее через прошлое. Схема выстраивается следующим образом:

Можно привести немало фактов мифологизированных представлений о Пушкине той поры. Интересные свидетельства содержатся в дневнике К. И. Чуковского. Он описывает свою поездку в Москву в 1936 г. для обсуждения предстоящих пушкинских торжеств. Вот он в Кремле, в зале заседаний Совнаркома. «Уютно и величественно. Портреты Ленина и др. вождей... Буденный, Куйбышев... Пушкин. Целый ряд пушкинских реликвий по стенам»⁷. Знаменательно перечисление портретов вождей нового общества, среди которых оказался Пушкин. Символическая культурологическая схема здесь как бы наглядно проиллюстрирована. Пушкинский миф усложнялся, развивался, расслаивался и поддерживался властью на протяжении примерно двух столетий. В нем вокруг основной фигуры возникают иные, так сказать, сподвижники культурного героя. Так, Ю. И. Дружников прослеживает, как включается в пушкинский миф образ любимой няни, как возмещают ее уже первые пушкинисты, «высказывая мысли, созвучные официальной национальной идеологии»⁸. Значение Арины Родионовны продолжает возрастать уже в советское время, когда она прочно поселяется во всех биографиях поэта. «Няня становится одним из опорных пунктов идеологической корректировки самого Пушкина»⁹.

Пушкинский миф дополнялся, уточнялся, корректировался, но суть его оставалась та же; причем не только инерция мышления пита-

ла его, не только официальная поддержка. Он опирался на реальные запросы общества, способствовал утверждению национального единства, «соборного принципа» русской культуры. Поэт все еще воспринимался как пророк. Такой взгляд на предназначение поэта существовал в России вплоть до конца XX в. Традиция была продолжена, к примеру, И. А. Бродским, который не менее Пушкина нуждался в независимости и умел отстаивать ее. Однако ценность частной жизни и независимости у Бродского не отменяет особой роли поэта, не снижает высокой значимости литературы. Во всяком случае, он утверждал: «Если поэзия и не играет роль церкви, то поэт, крупный поэт, как бы совмещает или замещает в обществе святого, в некотором роде. То есть он некий духовно-культурный, какой угодно, даже, возможно, в социальном смысле — образец»¹⁰. Он настаивал на том, что поэт должен оставаться пророком, «святым». Однако в этой роли поэт в конце XX в. менее всего востребован современным обществом. «Оставаться великим поэтом в эпоху исчерпанности предстаний о великой поэзии — счастливая и тяжелая судьба», — отмечает В. Курицын¹¹. Мы добавим: судьба исключительная. Видимо, дело в том, что поэзия Бродского была прочно связана с русской культурой, в которой до конца XX в. литература не утратила господствующего положения. И в XX в. русский писатель если не как пророк, то как «инженер человеческих душ» поддерживал власть или полемизировал с нею, что в любом случае придавало особое значение его литературному творчеству.

После тех кардинальных перемен, которые произошли на всем постсоветском пространстве, в 1990-е гг. социальный статус литературы резко понизился, она утратила паллиативную религиозность и превратилась в своеобразный товар, который не нашел массового потребителя. Видимо, это в какой-то мере и определило судьбу пушкинского мифа. В последние десятилетия XX в. он слабел, размывался, терял белую определенность. Образ поэта-пророка постепенно приобретал анекдотическую окраску. Можно было, например, в 1970—1980 гг. услышать утверждения: «Пушкин первый провозгласил: „Октябрь уж наступил...“»; «Пушкин завещал: „Души прекрасные порывы!“» и т. д. Ирония в этих анекдотах имела политическую направленность, что еще в какой-то мере поддерживало пушкинский миф, включая его в актуальный современный контекст. Но позже в анекдотах уже подвергалась сомнению сама идея поэта-пророка, снижался смысл его пророчеств. Например: «Еще Пушкин говорил, что кот, когда ходит налево, всегда сказки рассказывает». Разумеется, здесь речь идет не о политической «левизне», а о банальном адюльтере. А к 200-летию Пушкина рассказывали и такой анекдот: «Ночь. Казарма. К кровати молодого бойца подходит старослужащий: — Душара, подъем! Сколько дней осталось до дня рождения Александра Сергеевича?!» Пушкин теперь настолько привычен, что о нем попросту забыли: «Призывная комиссия.

— Фамилия, имя, отчество...

— Пушкин Александр Сергеевич.

— Что-то больно фамилия знакомая...

— Еще бы: у меня папа большой начальник!»

К празднованию 200-летия Пушкина подвергались сомнению и сравнительно новые мифологические модели, скажем, «Мой Пушкин». С. С. Аверинцев свою юбилейную статью в «Литературной газете» назвал «Пушкин — другой...» и сам подчеркнул, что он стремится оттолкнуться, отмежеваться «от заголовков вроде ставшего классикой: „Мой Пушкин“»¹². Исследователь пишет о все более возрастающем недоверии к интерпретациям пушкинских текстов, поскольку ими легко нарушается очень точная и тонкая мера, заданная автором: «...в том-то и состоит стратегия Пушкина, что все эти миллиметровые отклонения — когда читатель и тем паче интерпретатор ну так и рвется „подхватить и развить“ остаются строжайше запрещенными авторской интенцией»¹³.

Д. С. Лихачев в какой-то мере продолжил развитие пушкинского мифа. Отвечая на вопросы анкеты, посвященной Пушкину, он заметил: «Мне трудно отделить Пушкина, который „один на всех“, от „моего, и только моего“. Ибо „мой Пушкин“ — это и есть прежде всего Пушкин объединяющий, Пушкин — создатель языка русской культуры»¹⁴. О том, что Пушкин близок и понятен если не всем, то многим, казалось бы, свидетельствует проект на ОРТ, когда строки из «Евгения Онегина» читали самые разные люди, представители различных социальных слоев общества.

С традиционными «наш Пушкин», «мой Пушкин» в канун юбилея спорил С. Гандлевский. В своей небольшой статье, которая называется «Ничей Пушкин», он говорит о «Памятнике» как о рассказе-пророчестве: «Это рассказ-пророчество о величии содеянного и литературном бессмертии; о славе, залогом которой — сочувствие хотя бы одного поэта; об имперской известности понаслышке и о благодарном эгоизме народа, ждущего от поэзии нравственного просвещения»¹⁵. Это печальное пророчество сбылось, но Гандлевский предлагает взглянуть на негармонические отношения поэта с читателями и почитателями и с другой стороны: современники по-прежнему обращаются к Пушкину, хотя и зря путают поэта с учителем. Автор статьи отказывает Пушкину в праве на проповедь, но значение его в культуре признает; писатель не может определить его точно, но оно, несомненно, благотворно. «Значит, не так плохи наши дела, если, глупые и мелочные, слабые и агрессивные, мы в свои лучшие минуты хотим довериться не решительной проповеди, не путеводителю и басне, а куда большему, чего и вместить не в состоянии — адресованному не нам, а Бог весть чему и кому»¹⁶. Вместо стройного мифа в статье возникает «ничему не кратное ничто».

Казалось бы, последний юбилей продолжил традицию мифологизации Пушкина, однако социокультурная ситуация изменилась кардинальным образом — старый миф в нее не укладывается, в ней попросту нет места поэту-пророку. Тому много свидетельств. В этом смыс-

ле, скажем, очень симптоматична статья писателя А. Мелихова «Сумерки амбиций». Автор сетует на то, что современная культура не замахвається на всемирное и бессмертное. Гениев и пророков нет: «Их убила трезвость, гибель великих амбиций и великих иллюзий»¹⁶. В трезвости, скромности, рассудительной ограниченности писательских задач видит Мелихов один из пороков современной прозы. «Мизерность амбиций — этому пороку подвержены даже самые тщеславные выпендренжники: они метят на премию, на шумиху, но никак не на место в кругу богов»¹⁷. В реальности, которая всякий раз убеждает художника в его малости, учит скромности и трезвости, нет места поэту-пророку. И в этом, видимо, действительно состоит отличительная особенность современной культуры. «Крайнее упрощение или разрушение мифологической основы взаимоотношений с миром приводит к цинизму или примитивизации мышления»¹⁸. Если обратиться к культурологическим координатам, предложенным М. Н. Виролайнен, то вместо четкой, иерархически выстроенной схемы возникнет постмодернистская горизонталь: народ—правитель (или правительство)—поэт... — в общем, «ничему не кратное ничто». Как заметил А. Щуплов, Пушкин растворился в нашем повседневном быте, и на Арбате «радом с матрешками с ликами Горбачева, Ельцина и Путина вовсю торгуют пасхальными яйцами с пушкинскими портретами»¹⁹. Тоже ведь своего рода выразительная иллюстрация культурной функции поэта в современном обществе.

Но если нет поэта-пророка в настоящем, то он не актуален и как прошлое культуры. Старый пушкинский миф разрушается. В газетных статьях 1999—2000 гг. обозначилось то, что можно назвать размыванием его привычных границ. Празднование последнего пушкинского юбилея на страницах популярных газет приобрело пародийный характер. Я назову лишь некоторые заглавия статей, опубликованных преимущественно в «Комсомольской правде»: «А вынесет ли Пушкин это наше все?» (26 мая 1999 г.); «Пушкин — лучший друг Винни-Пуха» (4 июня 1999 г.); «Замученного Александра Сергеевича вынули из музейной виньетки» (5 июня 1999 г.); «Пушкин дал амнистию» (19 июня 1999 г.). А на страницах той же «Комсомольской правды» от 21 мая 1999 г. «дух Пушкина» отвечал на вопросы корреспондента; материал озаглавлен: «Ваши торжества мне надоели». В «Московском комсомольце» от 6 июня 1999 г. печатается статья «Мавзолей для Пушкина». Ее автор А. Морозов утверждает: «Маяковский чистил себя под Лениным. Нам желательно под Пушкиным. Ведь, переиначивая владельца Мавзолея, сегодня, в день рождения поэта, можно сказать: учение Пушкина всесильно, потому как верно»²⁰. А. Морозов предлагает Ленина похоронить, а в Мавзолей положить цилиндр поэта. Во всех этих предъюбилейных и юбилейных статьях ирония разрушает мифологический образ, обладавший когда-то уникальным качеством — особой очевидной истинностью.

Правда, Ю. Орлицкий полагал, что такого рода ироническое переосмысление старых мифов приближает к нам Пушкина: духовная атмосфера конца века, помноженная на все нарастающий накал юбилейных страстей, приводила «к катастрофическому снижению среднего уровня научной и околонаучной пушкинистики, на фоне вопиющих издержек которой постмодернистский дискурс чувствует себя особенно уместно и уютно. Более того, именно живое, заинтересованное восприятие Пушкина и его наследия постмодернистски ориентированной словесностью вселяет веру в то, что „основоположник“ перешагнет вместе с нами в будущий век»²¹. Конечно, новые интерпретации пушкинского текста неизбежны в развивающейся культуре. Пушкинский мифологический код в настоящее время воспринимается с трудом, и, видимо, поэтому пушкинский миф начинает теснить анекдоты о поэте, и не те исторические анекдоты, собраний которых, к слову сказать, в конце XIX в. было рекомендовано Главным управлением военно-учебных заведений для чтения в первых пяти классах кадетских корпусов²², а анекдот, скажем так, «чапаевского типа». И не случайно на 16-й странице «Литературной газеты» за 1—12 января 2000 г. (номер был юбилейным — 170 лет «ЛГ») публикуется подборка авторских анекдотов о Пушкине. Вот один из них: «Входит Наталья Николаевна, хохочет:

— Погляди, какая фамилия есть у Гоголя — Яичница!

— Это что, — говорит Пушкин, — у Грибоедова похлеще есть!

— Какая же?

— Эта... Как ее?... А, — Чапаев!»²³

Хотя анекдот, как мне кажется, не смешон, но интересен он тем, что здесь возникает фигура Чапаева. Всякое сравнение хромает, но я все же рискну его осуществить. Безусловно, анекдоты о Василии Ивановиче в 1970—1980-е гг. в какой-то мере актуализировали миф о комдиве Чапаеве, но вместе с тем и разрушили его. Мифологический образ обладает уникальным качеством реальности, истинности, он очевиден, правдив, закрепляет и передает положительные культурные ценности. В анекдоте же нет положительной утверждающей силы мифа, его функция иная: скажем, чапаевские анекдоты стали одной из многих брешей в тоталитарной культуре, через которую и просочилась ее мощь. Анекдот — жанр по преимуществу устный, маргинальный — пробивает брешь в традиционной книжной литературоцентрической культуре и не столько продолжает, сколько разрушает пушкинский миф. Во всяком случае, в той его части, где утверждается идея мессианского назначения писателя. Старый пушкинский миф в новой историко-культурной ситуации вряд ли возможен. Пародия, анекдот, ироническое переосмысление могут реанимировать лишь некоторые его элементы, он умер вместе с утратой писателем сакрального статуса пророка. Ироническое переосмысление старого мифа свидетельствует о переходной стадии русской культуры, ее сложном, может быть, критическом состоянии.

Примечания

- ¹ *Виролайнен М. Н.* Культурный герой Нового времени // Легенды и мифы о Пушкине: Сб. статей / Под ред. М. Н. Виролайнен. СПб., 1995. С. 329—349.
- ² Там же. С. 346.
- ³ *Розанов В. В.* О Пушкинской академии // Розанов В. В. Соч. М., 1990. С. 354.
- ⁴ *Кибальник С. А.* Истоки поклонения // Слово. 1990. № 6. С. 2.
- ⁵ *Муравьева О. С.* Образ Пушкина: Исторические метаморфозы // Легенды и мифы о Пушкине. С. 121.
- ⁶ Там же. С. 128—129.
- ⁷ *Чуковский К. И.* Из дневника // Знамя. 1922. № 11. С. 167.
- ⁸ *Дружников Ю. И.* Вторая жена Пушкина. М., 2000. С. 411.
- ⁹ Там же. С. 413.
- ¹⁰ *Бродский И. А.* «Никакой мелодрамы...»: Интервью // Бродский И. А. Размером подлинника. Таллинн, 1990. С. 123.
- ¹¹ *Курицын В. Н.* Русский литературный постмодернизм. М., 2000. С. 254.
- ¹² *Аверинцев С. С.* Пушкин — другой // Лит. газета. 1999. № 22, 2 июня. С. 1.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ *Лихачев Д. С.* Создатель языка русской культуры // Лит. газета. 1999. № 22. С. 1.
- ¹⁵ *Гандлевский С. М.* Ничей Пушкин // Московские новости. 1999. № 10, 16—22 марта. С. 25.
- ¹⁶ *Мелихов А.* Сумерки амбиций // Лит. газета. 2002. № 1. С. 7.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ *Гришин М. В.* Культурные департаменты художественного творчества // Выбор метода изучения культуры в России 1990-х годов. М., 2001. С. 109.
- ¹⁹ *Щуплов А.* Пушкин вместо масла // Лит. газета. 2002. № 30, 24—30 июня. С. 16.
- ²⁰ *Морозов А.* Мавзолей для Пушкина // Московский комсомолец. 1999. 6 июня. С. 5.
- ²¹ *Орлицкий Ю. Б.* Пушкин с нами? // Новое лит. обозрение. 1999. № 36. С. 235.
- ²² См.: *Кривошлыков М. Г.* Исторические анекдоты из жизни русских замечательных людей. СПб., 1897.
- ²³ *Венхоу Гевибой.* Ай да Пушкин!.. (К 170-летию «ЛГ») // Лит. газета. 2000. № 1—2. С. 16.

С. В. Фролов

(Санкт-Петербург, Россия)

«ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН» ПУШКИНА И ЧАЙКОВСКОГО

(«Кошунства» или гений композитора?)

Опера П. И. Чайковского «Евгений Онегин», будучи одним из ярчайших образцов преломления в музыке великого литературного произведения, постоянно является предметом особого ревностного литературоведческого внимания, пристального исследовательского музыковедческого интереса и конкурирующих с ними музыкально-режиссерской, дирижерской и вокально-исполнительской интерпретаций. С момента своего зарождения она служит объектом требователь-

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ФОНД РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ГУМАНИТАРНЫХ СВЯЗЕЙ
«МОСКВА—КРЫМ»

ПУШКИН И МИРОВАЯ КУЛЬТУРА

Материалы шестой Международной конференции

Крым, 27 мая—1 июня 2002 г.

Санкт-Петербург,
Симферополь,
2003